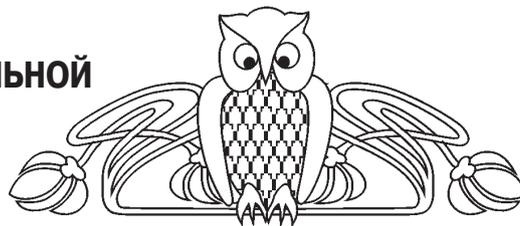

- ¹⁰ Ollard S. L. A short History of the Oxford Movement. L., 1915. P. 47.
- ¹¹ Rigg J. H. Oxford High Anglicanism and its chief leaders. L., 1899. P. 49.
- ¹² Соловьева Т. Оксфордское движение: Борьба за церковное возрождение в Англии. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/025/025-solov.htm> (дата обращения: 28.08.2015).
- ¹³ Rigg J. H. Oxford High Anglicanism and its chief leaders. L., 1899. P. 56.
- ¹⁴ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 1.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Duffy E. Hero of the Church URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2010/dec/23/hero-church> (дара обращения:
- ¹⁷ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 8.
- ¹⁸ Lilly W. S. John Henry Newman. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Newman,_John_Henry_%28DNB00%29 (дата обращения: 12.08.2015).
- ¹⁹ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 29.
- ²⁰ Цит. по: Маркович К. Джон Генри, кардинал Ньюмен. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/649027.html> (дата обращения: 13.09.2015).
- ²¹ Poston L. Newman's Tractarian Homiletics // Anglican Theological Review. Vol. 87, № 3. Chicago, 2005. P. 419.
- ²² Патена – литургический сосуд, представляющий собой блюдо с изображениями сцен из Нового Завета.
- ²³ Потир – литургический сосуд, чаша, используемая для освящения вина и принятия причастия.
- ²⁴ Brydon M. The Evolving Reputation of Richard Hooker: An examination of Responses 1600–1714. N. Y., 2006. P. 1.
- ²⁵ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 29.
- ²⁶ Тверд вердикт всего мира (лат.).
- ²⁷ Newman J. H. Apologia pro vita sua. L., 1912. P. 132.
- ²⁸ Цит. по: Соловьева Т. Оксфордское движение: Борьба за церковное возрождение в Англии. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/025/025-solov.htm> (дата обращения: 12.09.2015).

УДК 94 (100) |1990/1995|

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-Х ГОДОВ

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье рассматривается начальный этап разработки региональной стратегии НАТО в 1990–1995-е гг. в контексте кардинальных изменений геополитической обстановки в мире. Проводится общий анализ методов, применявшихся НАТО для реформирования регионов, представлявших для блока стратегическую значимость. Отдельное внимание уделяется изучению сюжетов, связанных с процессом создания программ партнерства НАТО, глобализацией Альянса, формированием специфической «балканской» модели региональной стратегии организации.

Ключевые слова: НАТО, Балканы, региональная стратегия НАТО.

The First Stage of NATO's Regional Strategy Elaboration in the Context of Geopolitical Changes in the First Half of 1990s

Е. S. Korenev

The article examines the first stage of NATO's regional strategy elaboration in 1990–1995 in the context of fundamental changes of geopolitical situation in the world. General analysis of methods, which NATO used to reformat strategically significant regions is carried out. Special attention is paid to a study of subjects, which connected with the process of NATO's partnership programs 'creation, the Alliance's

globalization, shaping of specific «Balkan» model of organization's regional strategy.

Key words: NATO, Balkans, regional strategy of NATO.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-65-71

Современная региональная стратегия НАТО прошла длительный эволюционный путь развития и несет на себе отпечаток целого ряда событий. Особый интерес вызывает начальный этап ее формирования, который пришелся на период 1990–1995 гг. и был связан с выработкой базовых принципов работы Альянса с различными регионами и, прежде всего, с государствами Восточной Европы, ранее бывшими союзниками СССР. Именно в это время начинает складываться специфический «балканский» вариант региональной стратегии организации, а также возникает система партнерств, оказавшая серьезное влияние на эволюцию Альянса в постбиполярном мире. Попытаемся проанализировать начальный этап разработки региональной стратегии НАТО в 1990-е гг. в контексте происходивших масштабных геополитических трансформаций в Европе и в мире, для того чтобы лучше понять, каким образом сложилась современная конфигурация Альянса.

Новая эпоха в международных отношениях, которая наступила после окончания холодной войны, поставила перед руководством Североат-

лантического альянса целый ряд фундаментальных вопросов, ответ на которые имел решающее значение для определения будущей конфигурации евроатлантической безопасности. И если главная дилемма, касавшаяся роспуска организации или продолжения ее деятельности в условиях исчезновения основного противника в лице Организации Варшавского договора, была успешно разрешена, и Альянс был сохранен в качестве военно-политического актора, то в отношении путей его возможного развития шли постоянные дискуссии.

Представители неореализма¹, предрекавшие в одно время даже скорый распад НАТО², полагали, что Альянс в новой геополитической реальности будет выполнять лишь вспомогательные функции и оказывать содействие другим международным институтам при проведении миротворческих операций. По их мнению, НАТО не смогла бы занять более выгодное положение в новой архитектуре международной безопасности, поскольку крушение биполярной системы неминуемо должно было привести к обострению противоречий между ведущими державами Запада и к борьбе за обеспечение собственных национальных интересов, что осложнило бы достижение консенсуса по общей повестке дня³. По мнению других авторов и, прежде всего, представителей неолиберального институционализма, Альянс должен был сосредоточиться на развитии военного сотрудничества с другими государствами, а также активно участвовать в миротворческих операциях, даже за пределами географической зоны ответственности⁴. Именно данный подход после определенных дискуссий был взят на вооружение НАТО и затем нашел отражение в практической деятельности организации. Однако сразу же стало понятно, что, выбрав подобный путь своего развития, НАТО должна была вступить в фазу кардинальных изменений.

В новых геополитических обстоятельствах руководству Альянса необходимо было не только существующим образом обновить философию евроатлантизма, казавшуюся незыблемой на протяжении нескольких десятилетий холодной войны, но и, что более важно, найти конкретные механизмы для реализации новых принципов военно-политической активности НАТО в пост-биполярном мире. Сделать это было не просто, поскольку военные организации в большинстве случаев являются достаточно консервативными структурами, и Североатлантический альянс не был исключением.

Для того чтобы приступить к кардинальным трансформациям, требовалось сначала произвести кадровые перестановки в организации, заменив «ястребов» холодной войны на более умеренных деятелей, и, главное, определить союзников и противников Альянса в новых геополитических реалиях. Выполнение этой задачи было связано, прежде всего, с изменением подхода НАТО к восприятию бывших коммунистических государств Европы, которые в начале 1990-х гг. вступили в

фазу ускоренной демократизации и экономической либерализации. Не везде этот процесс происходил бескровно, в частности, развал Югославии и декоммунизация возникших на ее обломках государств сопровождалась ростом националистических настроений и авторитаризма, что привело к возникновению целого ряда крупномасштабных военных конфликтов в этом регионе.

Для НАТО это был серьезный вызов, поскольку никому не было понятно, какой может и должна быть степень интеграции европейских постсоциалистических государств в евроатлантические структуры, и, самое главное, как реагировать на вспыхнувший на Балканах кризис. Ситуация казалась по-настоящему беспрецедентной, никогда ранее в истории ни один военно-политический союз не сталкивался с задачей выстроить отношения с целой группой государств, входивших в течение длительного периода времени в антагонистический блок и не потерпевших прямого военного поражения от этого союза.

С одной стороны, требовалось в максимально короткие сроки освоить обширное геополитическое пространство и заполнить «вакуум силы», образовавшийся после ухода СССР из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, при этом спешка объяснялась опасениями возможной реинтеграции Советского Союза в случае прихода к власти в постсоветских республиках определенных политических сил. С другой стороны, необходимо было сохранить идеологическую монолитность и не допустить размывания евроатлантической идентичности в процессе углубления сотрудничества с постсоциалистическими государствами Европы.

Решение этих двух задач потребовало не просто принятия определенных тактических мер, а формирования стратегических механизмов, которые могли бы позволить осуществлять постоянный контроль над ситуацией в Европе. Руководство организации приступило к созданию подобных механизмов сразу же после окончания холодной войны, заложив в основу своей деятельности принцип регионализма, предполагавший сотрудничество не только с конкретными государствами, но и работу с целыми регионами, обладавшими определенной военно-политической, социально-экономической или культурной гомогенностью.

Если обратиться к более ранней истории, то стоит отметить, что в 1950–1980-е гг. в документах НАТО разделение Европы на регионы осуществлялось исключительно по географическому принципу. Это было оправданно, поскольку с геостратегической точки зрения существовало лишь два крупных региона: Западная Европа, за безопасность которой отвечал Альянс, и Восточная Европа, входившая в сферу геополитических интересов СССР.

При этом в различных частях Европы к началу 1980-х гг. оставались государства, не вошедшие ни

в один из двух блоков (на западе – Австрия, Ирландия, Лихтенштейн, Швейцария, на севере – Финляндия и Швеция, на юге – Албания (входила в ОВД с 1955 по 1968 г.), Андорра, Ватикан, Мальта, Монако, Сан-Марино и Югославия). Большинство этих стран в случае крупномасштабного военного конфликта между ОВД и НАТО либо постарались бы сохранить благожелательный нейтралитет для Североатлантического альянса, либо напрямую поддержали его, опасаясь советской угрозы. СССР и его союзники по ОВД могли рассчитывать, да и то лишь при определенных условиях, только на поддержку со стороны Албании и Югославии, а также на нейтральную позицию еще нескольких стран.

Стоит отметить, что помимо отдельных разведывательных операций на территории государств, не вошедших ни в один из двух блоков, и военно-технического сотрудничества с некоторыми из них, НАТО не реализовывала в их отношении определенной комплексной стратегии, основанной на учете региональной специфики. Вообще о региональной стратегии НАТО в период холодной войны можно говорить лишь как о наборе наиболее важных военных методов, которые планировалось использовать для противодействия оперативно-стратегическим объединениям Вооружённых Сил СССР, дислоцированным в государствах-участниках ОВД (Западная группа войск, Центральная группа войск, Северная группа войск, Южная группа войск) в случае начала крупномасштабного вооруженного конфликта.

В соответствии с осуществлявшимся стратегическим планированием каждое подразделение знало о том, какую задачу придется решать в боевых условиях и на каком участке фронта действовать. Политические же механизмы могли применяться лишь на определенном этапе военных действий, для того чтобы попытаться склонить одно или несколько государств-членов ОВД к сепаратному миру. Таким образом, в годы холодной войны региональной стратегии НАТО в современном понимании не существовало, поскольку целенаправленной работы с регионами не проводилось и, прежде всего, отсутствовал политический компонент, чрезвычайно важный в такой деятельности.

Ситуация в корне изменилась в конце 1980-х гг., когда в Восточной Европе развернулись стремительные процессы декоммунизации. В результате в восточноевропейских государствах к власти пришли прозападные политики, которые не были заинтересованы в продолжении существования ОВД. В этот переломный момент советское руководство не стало удерживать бывших союзников и не смогло предложить им альтернативную программу сотрудничества на новых условиях. В июле 1991 г. ОВД прекратила свое существование, а через несколько месяцев распался Советский Союз.

В новых геополитических реалиях пост-социалистические государства, в том числе и бывшие советские республики, стали заявлять о своих планах по интеграции в евроатлантические структуры⁵. Идеологом такой политики стал президент Чехословакии Вацлав Гавел, который в своей речи во время посещения штаб-квартиры НАТО в Брюсселе 21 марта 1991 г. отметил, что несмотря на то что в настоящий момент его страна не может стать полноправным членом Альянса, организация не должна закрывать двери для расположенных по соседству государств, разделяющих схожие ценности⁶. Кроме того, он предложил начать практическое сотрудничество между Чехословакией и НАТО в области безопасности, а также в сфере науки, информации и защиты окружающей среды⁷.

Эти события стали поводом для активизации Альянса на восточном направлении. Именно в 1990-е гг. началась разработка региональной стратегии НАТО, которая никогда не имела форму официального документа и, как следствие, не упоминалась в выступлениях первых лиц организации, но в течение практически четверти века неизменно выступала в качестве определенной системы методов работы НАТО с государствами из различных регионов, в том числе выходящих за географические рамки зоны ответственности Альянса. При этом в зону повышенного внимания организации еще в 1990-е гг. попала Восточная Европа, с которой и началось формирование региональной стратегии организации.

Те дискуссии о будущем Альянса, которые велись какое-то время, постепенно трансформировались в работу по подготовке аналитического и политического задела для осуществления действий по геополитическому реформатированию некогда монолитной Восточной Европы.

Для того чтобы выполнить эту сложную задачу, потребовалось разработать концепцию, объяснявшую разделение большой Восточной Европы на Центральную, Восточную и Юго-Восточную, и активно внедрить ее в общественное сознание, прежде всего, в самих постсоциалистических государствах с целью осуществления окончательной идеологической переориентации населения и предотвращения возможных попыток реинтегрировать общее культурно-историческое пространство бывшего социалистического лагеря.

Необходимо отметить, что подобные геополитические модели, предусматривавшие выделение в рамках региона Восточной Европы более мелких составных частей, конструировались еще представителями национальных школ геополитики в XIX–XX вв. (особенно активно шло обсуждение концепции Центральной Европы⁸). Однако тогда не было возможности реализовать их на практике, несмотря на постоянные перераспределения территорий и изменение их статуса по итогам развала империй, образования новых государств, крупномасштабных войн и революций.

В условиях окончания холодной войны, когда с международной арены исчез один полюс силы в лице СССР, у НАТО появилась уникальная возможность использовать теоретические наработки геополитиков в своей практической деятельности.

Таким образом, были созданы необходимые концептуальные основания, которые позволили провести искусственное разделение обширного региона Восточной Европы, обладавшего относительно высоким уровнем культурно-исторического, политического и социально-экономического единообразия, на три вышеобозначенных компонента: Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа. Эту готовую концепцию уже можно было использовать в конкретных геополитических проектах, в том числе при разработке и реализации региональной стратегии НАТО.

Как уже было отмечено ранее, вторым важным условием для разработки региональной стратегии НАТО на европейском направлении стала подготовка политического задела на будущее. Необходимо было сделать ряд важных заявлений идеологического характера на самом высоком уровне, для того чтобы продемонстрировать, прежде всего, лидерам постсоциалистических государств готовность Альянса к практическому сотрудничеству с ними по широкому кругу вопросов.

Одним из первых таких заявлений стало коммюнике Генерального секретаря НАТО М. Вёрнера от 14 декабря 1989 г., в котором он оценил происходившие в Центральной и Восточной Европе исторические изменения⁹. При этом было сказано, что все страны имеют право решать свои проблемы в ходе проведения реформ самостоятельно, но Альянс полагает, что сможет сыграть конструктивную роль в этом процессе, как в формате двусторонних отношений, так и на региональном уровне.

Крайне важным в идеологическом плане документом стала «Лондонская декларация» НАТО¹⁰, принятая 5 июля 1990 г. по итогам саммита глав государств и правительств стран-членов НАТО. В частности, в ней говорилось о готовности Альянса выстраивать партнерство со всеми государствами Европы и делалось предложение странам Центральной и Восточной Европы установить регулярные дипломатические контакты, а также интенсифицировать взаимодействие в военной сфере.

В заявлении «Партнерство со странами Центральной и Восточной Европы», принятом по итогам встречи Североатлантического совета на министерском уровне 7 июня 1991 г., Альянс еще раз обозначил свою поддержку двусторонним и региональным контактам, договорам и программам между странами-членами организации и государствами Центральной и Восточной Европы. На более высокий уровень должно было выйти сотрудничество НАТО с постсоциалистическими государствами согласно «Римской декларации»¹¹.

В частности, в документе говорилось о намерении Альянса развивать более институционализированное партнерство в форме консультаций и сотрудничества по вопросам политики и безопасности.

Именно в первые годы после окончания холодной войны были сформулированы негласные принципы интеграционной политики НАТО, которая стала неотъемлемым звеном региональной стратегии Альянса. Во-первых, в одну волну расширения НАТО попадают несколько государств из одного региона, обладающих относительно сходными характеристиками. Во-вторых, для успешной интеграции в организацию необходимо участие в программе «Партнерство ради мира». В-третьих, стране-кандидату требуется осуществлять активное сотрудничество с соседними государствами в рамках субрегиональных объединений, находящихся под непосредственным контролем НАТО. Апробация подобного подхода происходила на государствах – членах Вышеградской группы в 1990-е гг., и поскольку эксперимент оказался успешным, данные принципы стали базовыми элементами интеграционного компонента региональной стратегии НАТО.

Первые успехи в постбиполярном мире, достигнутые Альянсом в политическом диалоге и военно-техническом сотрудничестве с государствами Центральной и Восточной Европы, продемонстрировали руководству НАТО возможные пути эволюции организации. Стало понятно, что одним из направлений дальнейшей адаптации Альянса к новым геополитическим реалиям могла бы стать деятельность за пределами его географической зоны ответственности и, как следствие, постепенное превращение организации в глобального актора. Для такой траектории развития к тому времени сложились необходимые условия.

Глобализация, которая в 1990-е гг. при отсутствии жизнеспособных культурно-идеологических и социально-экономических альтернатив, стала развиваться исключительно по американскому сценарию, а также унилатерализм, ставший основным принципом внешней политики США, заложили мощный фундамент для трансформации НАТО. Появилась возможность не только транслировать однотипные культурные коды, поставлять на экспорт либеральные социально-экономические модели, но и формировать унифицированные стандарты безопасности. Североатлантический альянс, не встречая особых преград, начал постепенно глобализировать свою деятельность, навязывая все большему числу стран свое понимание международной и региональной безопасности. При этом, по мнению заведующего кафедрой регионального управления РАНХиГС В. В. Штоля, Альянс превращается в мощнейший военно-политический инструмент американоцентричной модели глобализации¹².

Как справедливо отмечают отдельные авторы в своих работах¹³, глобализации всегда сопутствует другой процесс – регионализация, т. е. укрепле-

ние экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион. Однако этот процесс лишь в идеале может быть объективным, т. е. происходящим в силу наличия интереса к сотрудничеству у всех региональных акторов, в реальности же им можно грамотно управлять, особенно если речь идет о небольших регионах, не обладающих серьезным конфликтным потенциалом. Именно принцип «управляемой регионализации» был положен в основу разработки региональной стратегии НАТО, поскольку Альянсу необходимо было скомпоновать государства в определенные группы, для того чтобы ускорить их переход на стандарты, принятые в организации, и тем самым повысить их управляемость. При этом внешне все могло выглядеть как желание НАТО обеспечить безопасность государств, разделяющих демократические ценности и стремящихся создать региональное объединение. Примером могут послужить Вышеградская группа, Группа Балтийской хартии, Вильнюсская группа, а также Группа Адриатической хартии, которые действовали под эгидой США и НАТО.

На наш взгляд, руководство НАТО еще в 1990-е гг. осознало взаимозависимость между процессами глобализации и регионализации и попыталось извлечь собственную выгоду из их комбинирования. В итоге региональная стратегия, позволившая достигнуть серьезных успехов в военно-политической сфере в различных регионах, стала необходимым условием для глобальной деятельности НАТО.

Завершением первого этапа разработки региональной стратегии НАТО стало формирование механизма партнерств по региональному признаку. Первым из них стала программа «Партнерство ради мира», образованная 14 января 1994 г. решением глав государств и правительств стран – членов НАТО на заседании Североатлантического совета¹⁴. В нее вошли европейские государства, не являвшиеся членами Альянса, а также бывшие советские республики, в том числе страны Центральной Азии и Южного Кавказа. Программа с самого начала была ориентирована на углубленное военно-техническое сотрудничество различных государств и НАТО, а также на налаживание политического диалога между ними¹⁵, поэтому именно государства – участники «Партнерства ради мира» затем становились полноправными членами организации, поскольку оказывались более подготовленными к этому и отвечали географическим критериям, обозначенным в Североатлантическом договоре.

Однако не только непосредственное геополитическое окружение в свете набиравшего ход процесса евроатлантической интеграции вызывало интерес у руководства НАТО. Все большее внимание, начиная с войны в Персидском заливе, уделялось региону Ближнего Востока и Северной Африки, богатого углеводородами и

политически нестабильного. Еще в Стратегической концепции НАТО 1991 г. было сказано о том, что «стабильность и мир в странах южной периферии Европы важны для безопасности Альянса»¹⁶. Географически этот регион нельзя было отнести к зоне ответственности Альянса, и для того чтобы подготовиться к его геополитическому переформатированию, которое активно началось лишь в 2000-е гг., требовалось создать здесь институализированную сеть партнерства из традиционных союзников, оставшихся со времен холодной войны.

Функции подобной партнерской сети были возложены на программу «Средиземноморский диалог», которая была запущена также в 1994 г.¹⁷ Ее участниками стали Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. С самого начала особое значение в практическом сотрудничестве Альянса с государствами данного региона уделялось вопросам взаимодействия ВМС стран НАТО с национальными вооруженными силами средиземноморских стран, поскольку для установления геополитического контроля НАТО на Ближнем Востоке и в Северной Африке необходимо обеспечить полное доминирование в Средиземном море и использование транспортной инфраструктуры прибрежных государств в своих целях. Это обстоятельство делает «Средиземноморский диалог» важнейшим элементом региональной стратегии НАТО на данном направлении.

Запуск такого формата сотрудничества с крупными регионами, как институализированные партнерские программы позволил создать определенную конкуренцию между государствами за военно-техническую помощь НАТО, что ослабляло их переговорную позицию по другим вопросам и заставляло идти на компромиссы. Подготовка офицерских кадров, а также гражданских специалистов в рамках образовательных программ только усиливала зависимость стран от Альянса. Как показал опыт проведения миссий и операций НАТО в 1990–2000-е гг., наличие механизма партнерских сетей позволяло более быстрыми темпами формировать необходимую инфраструктуру на территории государств, прилегающих к зоне боевых действий, что способствовало существенному снижению транспортных издержек. В целом при помощи механизма партнерств создавалась своего рода сетевая структура дружественных или готовых к конструктивному диалогу стран, многие из которых затем стали членами НАТО или же превратились в проводников геополитических интересов Альянса в регионах, расположенных далеко от зоны географической ответственности организации.

Важным событием, внесшим серьезные коррективы в процесс разработки региональной стратегии НАТО в 1990-е гг., стали войны, вспыхнувшие на Балканах. Казалось, это была единственная непосредственная опасность для НАТО в тот период, поскольку существовала

угроза экспорта нестабильности на территорию государств – членов Альянса, к тому же непрерывающийся поток беженцев, направившихся в благополучные страны Европы, и прежде всего в Германию, мог создать серьезные проблемы в сфере экономики и безопасности. Тем не менее стало ясно, что дестабилизация Балкан дает возможность использовать силовые инструменты для установления собственного геополитического доминирования в регионе под видом участия в миротворческих операциях.

Первое обозначение позиции НАТО по югославскому вопросу было сделано в форме пресс-релиза «Ситуация в Югославии», опубликованного 8 ноября 1991 г.¹⁸ Однако в нем содержались лишь оценки происшедших событий, но не конкретные предложения по урегулированию кризиса. Начавшаяся в Боснии и Герцеговине война в 1992 г. заставила руководство Альянса приступить к решительным действиям. В частности, была обозначена готовность оказывать поддержку миротворческой деятельности СБСЕ¹⁹. В 1992 г. ВМС НАТО приступили к патрулированию в водах Адриатического моря, а авиация Альянса взяла на себя функции гаранта режима «бесполетной зоны» над Боснией и Герцеговиной. Кульминацией практических усилий НАТО на боснийском направлении в этот период стало проведение операции «Преднамеренная сила» в 1995 г., изменившей баланс сил в регионе. Таким образом, НАТО продемонстрировала, что для реализации своей региональной стратегии на Балканах она готова использовать не только политические, но и силовые методы. Именно сочетание военного и политического компонента в форме активной интеграционной политики в дальнейшем станет отличительной особенностью балканской региональной стратегии НАТО.

Подводя итог, стоит отметить, что к 1995 г. завершился первый этап разработки региональной стратегии НАТО, который совпал по времени с кардинальными изменениями в системе международной безопасности и масштабными геополитическими трансформациями, прежде всего в Европе. В этот период были выработаны основные подходы к работе в различных регионах, а также начался процесс формирования системы партнерств, которые станут в дальнейшем важнейшим инструментом региональной стратегии НАТО, а также проводником его глобальной политики.

Примечания

- ¹ *Mearsheimer J.* Back to the Future? Instantly in Europe after the Cold War // *Intern. Security*. Summer 1990. Vol. 15, № 1. P. 5–56.
- ² U. S. Congress, Senate, Relations in a Multipolar World, Hearings before the Committee on Foreign Relations, 102nd Cong., 1st sess., 26, 28, and 30 November 1990. (Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1991). 210.

- ³ *Hellmann G., Wolf R.* Neorealism, Neoliberal Institutionalism, and the Future of NATO // *Security Studies*. 1993. Vol. 3(1). P. 17–18.
- ⁴ *Sloan S.* NATO's Future : beyond Collective Defense. Washington, DC : Institute for National Strategic Studies, National Defense University: Supt. of Docs., U.S. G.P.O. [distributor], 1995. P. 2.
- ⁵ Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (дата обращения: 05.10.2015).
- ⁶ Václav Havel Speech at NATO Headquarters, Brussels, March 21, 1991 // NATO, Europe and the Security of Democracy – Václav Havel Selected Speeches, Articles, and Interviews 1990–2002 / ed. by Luboš Dobrovský. Washington, 2002. P. 29.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin., 1915. 299 S.
- ⁹ Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 14.12.1989. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23540.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁰ Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹¹ Declaration on Peace and Cooperation. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹² *Штоль В. В.* Трансформация Североатлантического альянса в условиях глобализации // *Обозреватель-Observer*. 2003. № 11. С. 57.
- ¹³ *Ратленд П.* Глобализация и посткоммунизм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 4. С. 15.
- ¹⁴ The Partnership for Peace programme. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50349.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁵ Partnership for Peace : Framework Document. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24469.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁶ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁷ NATO Mediterranean Dialogue. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_60021.htm? (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁸ The Situation in Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23849.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).
- ¹⁹ Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23983.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.10.2015).